

Гротеск ~ А Готический Эпический

Автор: GE Graven

Глава VIII

Над территорией аббатства нависла необычная ситуация, проявившаяся в ...

Тени отбрасывались, казались слишком высокими, широкими или искривленными для отбрасываемых ими предметов. Сами предметы казались гораздо дальше, чем были на самом деле, а пламя факелов солдат мерцало слишком медленно или даже вспыхивало вспять. Другие движения казались столь же неестественными, и новое состояние также проявлялось через менее значительные явления, такие как крики людей, которые были похожи на приглушенные возгласы под водой, и постоянный звон в ушах, когда они повторяли свои слова в разговоре. Испуганные кони царапали землю копытами, как будто пугливые животные чувствовали дрожь земли. Затем появился странный запах — не такой резкий, как шиповник, но довольно едкий, с привкусом опьяняющих грибов. Глубокий вдох нового воздуха мог легко сбить с толку, как и головокружение, и этот запах был таким же ощутимым, как запах приближающейся бури, каким бы чуждым он ни был каким-либо сохранившимся воспоминаниям. Поистине, над аббатством нависла неестественная картина, столь же ужасная, как и недавно открытые ворота, которые к этому привели.

Из дальнего конца двора донеслись крики, и одинокий солдат побежал к общежитию, проходя под его окнами. Из верхней части комнаты взмыла в воздух керосиновая лампа.

и сбил его с ног. Тут же на него наткнулся второй охранник. Он поднял упавшего мужчину на ноги и отвел его подальше от здания. Преступники, два оруженосца, высунулись из окна верхнего этажа, указывая в сторону своего внезапного отступления.

Под поднятыми факелами ряды солдат двинулись строем, окружив вход в общежитие, чтобы не дать собранию священников сбежать. Старший монах с белой бородой прорвался сквозь облаченных в рясы заключенных и, погрозив кулаком, обратился к очень высокому сержанту-оруженосцу со словами: «Если вы слуга Господа, то уберите оружие и пропустите нас!»

Сержант в ответ прокричал: «Возвращайтесь в свою комнату, монах!»

Монах стоял на своем, продолжая кричать: «Следите за делами Бога и Его слуг, а не за приказами вашего Капитана! Только мы можем исправить то, что вы, люди, испортили. Берегите свои шаги на этой святой земле и отойдите в сторону, чтобы мы могли исправить вашу ошибку!»

Сержант, перекрикивая протесты священников, крикнул: «Возвращайтесь в свои комнаты! Иначе прольется кровь!» Однако конфликт между солдатами и священниками продолжался, и монахи высыпали из дверного проема, еще глубже вбиваясь в непоколебимые ряды. «Схватите этого священника!» — крикнул солдат, указывая в угол общежития на силуэт человека в рясе и капюшоне. Тень резко развернулась и убежала. Двое охранников бросились в погоню, нырнув в кусты. Листья хлестали, ветки трещали под стоны и крики ожесточенной борьбы.

Брат Николай разорвал рясу и прорычал в лицо стражнику: « Не думайте, что мы, братья, неспособны». Он схватил стражника за жилет и резко притянул его к себе.

«Оставьте нас и наше аббатство!»

Невозмутимый солдат нахмурился. «Вы кажетесь довольно самоуверенным — безоружным человеком ». священник против армии?

Николай сердито посмотрел на него и начал проповедовать: «Если против нас расположится войско, мы не будем бояться; а если против нас поднимется война, в этом мы будем уверены».

«Уверенный? Или глупый?» — спросил его стражник. «Ваши слова могут казаться вам правильными, но вам лучше прислушаться к хорошему совету». Солдат наклонился к Николасу, и монах вздрогнул. «Не давите на меня, священник». Николай снова вздрогнул и посмотрел на нож, приставленный к его животу. «Вернитесь внутрь и живите, чтобы помолиться в другой день!»

«Вскоре ты сам будешь просить о молитвах, солдат», — посоветовал ему Николай, удаляясь за стену из одежд.

«Оружие наготове!» — прогремел старший сержант. В руках были мечи и длинные ножи. В свете фонаря вспыхнул огонь. «Сомкните ряды!» Солдаты единодушно бросились к общежитию. Войдя внутрь, сержант оттеснил монахов обратно в здание. Они забаррикадировали двери, после чего сержант выстроил перед ними шеренгу охранников. Затем он выстроил оставшихся людей по периметру всего здания, образовав стену из часовых с факелами, охраняющих многочисленные окна.

На территории аббатства, перед зданием, где находился вход в катакомбы, около двадцати солдат толпились во дворе среди факелов. Давно потеряв всякую надежду найти Лазаря в туннелях склепа, они прекратили поиски и собрались, чтобы осмотреть верхние этажи собора. Светящиеся призраки роились на колокольнях, ныряя между многочисленными рядами гротескных статуй. Большинство молодых людей были новобранцами роты капитана Борна из Королевской гвардии Его Величества. Среди них стоял пожилой седовласый солдат, и, в отличие от остальных, внимание командира было сосредоточено на другом. Пока молодой гвардеец держал факел, пожилой мужчина осматривал свернувшуюся стопку хрупких страниц. Наконец, он повернулся к гвардейцу и спросил: «И эти пергаменты были в постели Мальчика-Дьявола?»

«Да, мы нашли их спрятанными в подстилке», — ответил стражник. «Я не знал, что вы читаете».

«Могу», — заявил старый офицер. «В какой-то степени».

«Тогда что там написано?»

Офицер поправил бумаги, отодвинув их подальше от лица, и, прищурившись под светом фонаря, заметил: «Первая страница, похоже, представляет собой письмо, написанное заключенным священником, который был своего рода переводчиком». Он опустил взгляд на нижнюю часть пергамента. «Подписью он назвал себя Нарамсином».

«А что написано на остальных страницах?» — спросил молодой человек.

Офицер покачал головой. «Я не могу прочитать этот почерк. На всех остальных страницах какой-то иностранный текст — ничего подобного я потом не читал». Он пролистал оставшиеся страницы. «И символы кажутся одинаковыми, но в то же время разными. Возможно, это даже не слова».

Молодой стражник наклонился к уху пожилого мужчины и прошептал: «Я знаю причину, по которой ты не можешь прочитать эти слова. Это язык самого дьявола, говорю тебе!»

Офицер отстранился и прищурился. Затем он поспешно перелистнул страницы, упрекая его: «Ты даже читать не умеешь, а теперь утверждаешь, что знаешь знаки дьявола?»

Молодой солдат защищался, указывая на крышу собора. «Как мог...»

«Ты объяснишь появление этих летающих духов, если не с помощью Дьявольского Мальчика и его тайных заклинаний, основанных на дьявольском языке?»

Стоявший рядом охранник защищал свои слова перед офицером: «Он говорит правду! Это могут быть только духи из самой преисподней!»

Крайне раздраженный, офицер повернулся и спросил его: «Ты когда-нибудь видел духа, сынок?»

«Нет», — признался мужчина.

Офицер схватил мужчину за руку. «Ты когда-нибудь был в аду, сынок?»

Мужчина ответил: «Я... Нет. Но все и так знают...»

«Тогда как ты можешь стоять здесь и говорить мне, что мы видим духов из ада?» Старый солдат отпустил его руку, уперся руками в бока и посмотрел вверх. «Что касается меня, я никогда не видел ничего подобного духам, демонам или адскому огню; однако я не привык сеять страх и ложь среди этих людей. По правде говоря, никто из нас не знает, чему мы здесь становимся свидетелем».

Двери распахнулись, и солдаты обернулись, увидев двух задыхающихся охранников, спотыкаясь, приближающихся к ним. Охранники, задыхаясь, рухнули на четвереньки. Солдаты окружили их, поднимая с земли горящие факелы, которые охранники бросили. Один из охранников, в основном кашляя, сообщил им о бушующем пожаре в глубине катакомб. Он перевел дыхание и поднял голову, добавив: «Мы больше ничего не видим из-за дыма». В свете факелов солдаты увидели черные слезы и белые полосы, стекающие по покрытым сажей щекам.

И снова молодой человек обратился к офицеру, указывая на дверь. «А как вы можете объяснить появление каменных туннелей, вспыхивающих пламенем, если не с помощью демонической магии?»

«О мальчике-дьяволе?»

Солдаты пронеслись мимо офицера в поисках огня, и когда молодой человек повернулся, чтобы последовать за ними, он схватил его за руку, чуть не сбив с ног. Он отобрал у него факел, сказав: «Я не буду стоять в темноте, пока ты гонишься за пламенем, парень».

«Разве вы не хотите поискать огонь?»

Флегматичный офицер усмехнулся. «Возможно, вы дадите им немного времени, чтобы вернуться, слепыми и задыхающимися. И если хотя бы одному из них удастся задержать дыхание достаточно долго, чтобы найти огонь, он даже не подумает о том, что ему тогда делать, и не справит нужду на пламя, прежде чем убежать от дыма». Он покачал головой и жестом указал на дверь. «Но присоединяйтесь к ним, даже если это причинит вам боль».

Молодой человек ворвался в дверной проем. Офицер повернулся к двум мужчинам, которые все еще стояли в дверях.

Задыхаясь, он упал на землю. «Ну, а ты не хочешь последовать за остальными?» Один из них с трудом поднялся на ноги и ответил: «Мы остаёмся здесь». «Когда тебя ведет боль, ты быстро учишься», — с улыбкой заметил солдат, прежде чем глубоко вздохнуть. «Тогда присоединяйтесь ко мне. Мне нужна вода и много ведер». Трое мужчин направились к трапезной в поисках колодца аббатства.

Сержант-пристав вышел из общежития и чопорно направился к бане. Приближаясь к входу и окружив нескольких солдат, он крикнул: «Вы получили признание?» Сержант встал между ними, и факелы рассеялись, открыв вид на невысокого, грязного, одорукого солдата без правой ноги. У его ног... Рыдая, Татей сидел на полу, прислонившись спиной к стене бани. Мужчина повернулся... Вытирая кровь и волосы о штанину пальцами, он ответил сержанту хриплым голосом: «Они пока не раскрыли местонахождение Мальчика-Дьявола. Однако, сэр, они близки к тому, чтобы сломаться».

Сержант заметил на земле возле своих ботинок разорванный и грязный лицевой капюшон. Затем он осмотрел окрестности и увидел охранника, стоящего в стороне от остальных, с изможденным, обеспокоенным выражением лица. У его ног лежал еще один изуродованный мальчик-священник, сломленный и почти голый. Если бы не постоянное дыхание Мигеля, этот мальчик мог бы быть маленьким трупом. «Ваш свет», — скомандовал сержант, взяв факел у ближайшего солдата. Он присел перед Татеусом, осматривая его гротескную внешность, и сказал: «Скажите нам, где прячется оруженосец Лазаря, и вы можете вернуться в общежитие». Татей лишь плакал. Его голова покачивалась, словно он не мог удержать ее в вертикальном положении из-за тяжести. — Хорошо, — сказал солдат, вставая и поворачиваясь, — и добавил одорукому мужчине: — Не обращайтесь внимания на его внешний вид. Он всего лишь мальчик, а мальчиков можно сломить.

Солдаты вздохнули и заерзали на месте, размышляя о неловком моменте и его мучительном, тянущемся времени. Он спросил солдата с отсутствующей рукой: «Капитан всё ещё в церкви?»

«Я его не видел», — ответил мужчина. Сержант, прорубившись сквозь толпу охранников, выпалил: «Найдите баланс! Я жду признаний, а не мертвых мальчиков. И не поднимайте руку на кого-либо».

МОНАХ.

Оглядевшись, одорукий солдат спросил: «Какой монах, господин?»

«Он уже в пути», — ответил сержант, остановившись рядом с потерявшим сознание и беззащитным Мигелем. Он приказал охраннику прикрыть его, и тот резко снял свой бронежилет. завернув мальчика. Одобрительно кивнув, сержант скрылся в темноте. внутренний двор.

В северном углу аббатства вооруженные солдаты, словно ряд статуй, стояли на страже у бокового входа в собор. ТИК! Маленький камешек отскочил от шлема одного из них.

Он и охранники вгляделись в темноту. ТУНЦ! Большой камень ударил по шлему другого солдата, перевернув его. Он бросился вперед, схватил рукоять меча, **и стал искать виновника в тенях.**

«Метатель камней», — прошептал первый охранник.

«И я поставлю его на место», — прорычал второй часовой, отпуская оружие. возвращаясь в строй.

Грохот! Огромный участок верхнего карниза собора откололся, и разлетелись обломки. Это отбросило мужчин в сторону. Когда лавина схлынула, они лежали на земле, избитые, оглушенные и тупо уставившись на крышу.

В ярости капитан Борн ворвался в двери собора. Он поднес фонарик к незащищенному входу и обнаружил своих покрытых пылью солдат, лежащих неподалеку. Стонали, потирали головы и смотрели вверх. Мужчины вскочили на ноги и бросились обратно к своим заваленным обломками постам охраны, в тот самый момент, когда два растрепанных монаха вышли из церковных дверей и споткнулись о рассыпанные камни. Борн отошел от двери и встал между упавшими камнями — самый большой из них мог легко раздавить человека. Клодий и Гревилл последовали за ним. Капитан поднял взгляд и обнаружил, что на карнизе крыши отсутствует значительная часть. Наконец он вернулся к ряду солдат и схватил за руку самого высокого охранника, задавая ему вопрос: «Разве я не приказал вам закрепить эти двери?»

«Простите, капитан, — ответил солдат. — Церковь чуть нас не убила в этот момент».

Борн потряс его. «Черт возьми, эти церковные камни! Ты позволил кардиналу пройти?»

«В самом деле, сэр. Вы заявили, что никто не должен входить в эти двери. Кардинал вышел, по вашему приказу, как он сказал, чтобы позвать другого монаха на помощь».

Капитан стиснул зубы и зарычал ему прямо в лицо: «Я не отдавал такого приказа».

Клодий бросился вперед. «Капитан, ваши люди заметили, что кардинал нес пажей?»

Борн ослабил хватку. «Ответь монаху».

«Да, много бумаг».

Гревилл вытер глаза, наконец собравшись с мыслями. Он почесал затылок, размышляя о странных действиях кардинала Блази. «Потом он пошел в общежитие за монахом? Капитан, мы были вполне готовы и способны ему помочь».

«Он ушел в общежитие?» — спросил Борн.

«Нет, сэр. Он направился к северным воротам аббатства», — признал солдат, указывая в их сторону. «Он выглядел раненым — нуждался в помощи, как он сам и сказал».

Борн вытолкнул солдата из строя и швырнул его к стене входа. «Ты, чертов козел! Сержант-оружейник держит монахов взаперти в общежитии!

Единственное здание за стенами аббатства...» Капитан опомнился и повернулся к Клодию, прищутив глаза. В свете факела монах наблюдал, как кровь отхлынула от его лица. Борн отпустил солдата и покачал головой, предчувствуя неладное. «Он бы так не поступил... конечно, не кардинал».

Он шагнул к двери и крикнул вглубь собора: «Каждый мужчина, соберитесь на территории собора под командованием сержанта!» Когда из церкви высыпало сто мокрых и грязных солдат, Борн вытащил троих из них в сторону. «Вы, люди, будете сопровождать меня. Приготовьте оружие». Он повернулся к Клодию и ткнул пальцем ему в грудь. «Если я не верну этого кардинала...» Затем Борн бросился к северным воротам аббатства, преследуемый тремя солдатами. Он ненадолго остановился у ворот, допросил стоявших там охранников, потряс фонариком и толкнул консьержа на землю, после чего выбежал из аббатства. Наконец, он замедлил шаг и перевел дыхание, приближаясь к конюшням.

Внутри конюшен пугливые кони дули и топали ногами, грызли удила и дергали за натянутые поводья. «Капитан приближается», — воскликнул один из нескольких солдат, ответственных за коней и постройки. Люди бросились в конюшню, занимая свои позиции, и самый старший солдат вытянулся по стойке смирно у входа в сарай.

«Арестуйте кардинала!» — крикнул Борн, приближаясь к солдату.

«Капитан?» — спросил его солдат.

«Разве его здесь нет?»

«Нет, сэр».

Борн остановился и недоуменно оглядел аббатство.

«Он уже в пути, капитан», — добавил солдат.

Борн резко обернулся. «Конечно, вы не позволили ему просто так уйти!» Он побежал в конюшни и, обводя фонариком всех вокруг, осмотрел помещение.

Солдат последовал за ним. «Он едет в деревню Мурат — чтобы забрать монаха, как вы и приказали».

«Я не отдавал такого приказа, идиот!» — Борн хлопнул по столбу сарая и уставился на пустое пространство.

Пространство между рядами запряженных лошадей. «А где моя?»

Солдат замешкался с ответом. «Его Высокопреосвященство... э-э... кардинал утверждал, что вы хотели... Он сказал, что вы приказали ему взять вашего... это был более надежный конь».

Борн оттолкнул солдата назад. «Конечно, он мог так сказать!» — он окинул взглядом лица других конюхов. «И он был бы прав, если бы так предположил — ведь это конь вашего капитана!» Он покачал головой, едва не усмехнувшись от недоверия. «Вы дали ему моего собственного коня?»

«Он кардинал Святого Престола, капитан, — ответил охранник. — Разве мы не для того здесь, чтобы помочь Его Высокопреосвященству?»

Борн глубоко вздохнул. «В самом деле, какой же я забывчивый», — сказал он, кивнув, прежде чем повернуться к остальным. «Приготовьтесь, четыре коня — самые быстрые и лучше всего отдохнувшие». Он выделил четырех человек. «Вы должны начать погоню. Захватите кардинала и его бумаги. Готовы?» «Самостоятельно садитесь в седло». Мужчины бросились к стене сарая, справляя нужду, пока их капитан давал дальнейшие указания, перекрикивая бульканье. «Есть только...» «Из этого аббатства ведет одна дорога. Я хочу, чтобы вы двое, поменьше, двигались как ветер и не сбавляли темп, пока не доберетесь до Мурата. После этого вы должны развернуться и вести своих коней под прикрытием тени, тихо осматривая обочины дорог и заросли в поисках раненого кардинала, прячущегося в укрытии». Он постучал двух более крупных солдат по спине. «Вы должны сесть на более медленного из коней и ехать спокойно» «В направлении деревни, и ты не должен обгонять двух мужчин, идущих перед тобой — ты же знаешь, чего я ожидаю. Я хочу, чтобы мне вернули кардинала и все его бумаги — и чтобы даже его мизинец остался цел».

«Да, капитан», — ответили они, собираясь с мыслями и готовя своих коней.

Борн снял шлем, откинул волосы назад и взглянул на пустое место, где в последний раз был привязан его личный конь. Он повернулся к старшему гвардейцу, в его глазах горел огонь. «И из всех коней в этих конюшнях кардинал хотел, чтобы вы поверили, что он возьмет только одного коня — моего — и приведет к нему якобы священника из Мурата?»

«Простите меня, капитан», — ответил солдат, отводя взгляд от обжигающего взгляда. «Если бы мы знали...»

«Бах!» — Борн резко развернулся и с силой ударил шлемом по голове солдата, сбив его с ног, после чего бросил свой шлем на грудь потерявшего сознание мужчины. «Только не я и кардинал! Только не я и святой!» — взревел Борн. «Только не я и Бог! Ваши приказы исходят от меня одного — только от меня!»

Всадник подстегнул своего коня, чтобы тот двинулся вперед. «Пошли, капитан?»

«Спешите!» — крикнул Борн, жестом приглашая их вперед. Четверо всадников выскочили из конюшен, грохочущие копыта их коней затихли в ночи. В затянувшемся шуме

В тишине, казалось бы, невозмутимый Борн прислонился к столбу конюшни и вгляделся в небо, где увидел круглую луну — и, явно запечатленную в ней, не мог не разглядеть совершенное сходство с безкожим лицом брата Грейта.

Борн покинул конюшни со своими тремя солдатами. Не успел он войти в ворота аббатства и приказать солдатам присоединиться к уже существующим рядам у собора, как на него набросилась толпа солдат и священников: Клодий, Гревилл, высокий сержант-оруженосец и старший из них. Седовласый офицер. Борн допросил высокого солдата. «Я так понимаю, что священники...»
Общежитие безопасно?

«Это так, капитан. И толстый монах находится под моей стражей — в бане».

Борн кивнул и хлопнул его по руке. Он повернулся к старому офицеру. «А что насчет поисков Мальчика-Дьявола?»

«Мы обыскали все туннели, склепы и подвалы — его нигде нет. Более того, в туннелях теперь горит огонь. Я собрал ведра у колодца аббатства», — предложил мужчина, указывая в сторону трапезной. «Потушить пламя?»

Капитан оглядел землю, прежде чем ответить. «Нет, пусть горит». Он посмотрел прямо на офицера. «Я хочу, чтобы катакомбы были запечатаны и охранялись. Если он спрячется в туннелях, то я «Выкурю его». Борн щелкнул пальцами, указывая на южные ворота аббатства.

«Возьмите оставшихся людей и прикройте кладбище. Переверните каждый камень. Уберите каждое дерево».

Если вам всё ещё не удастся его поймать, тогда расставьте нескольких часовых в тени, чтобы они тайно охраняли территорию и следили за любыми его признаками». Борн глубоко вздохнул и кивнул, произнес вслух, хотя бы для самоутверждения: «Вскоре его придётся искать место, где можно спрятаться».

Клодий подошел к солдату и откашлялся. Офицер ответил, поскользнувшись. Свиток хрупких страниц Нарамсина, спрятанный под его облачением. «Вот, капитан», — сказал он, передавая свиток Борну. «До пожара мы нашли эти бумаги, спрятанные в кровати мальчика». Он указал пальцем между Клодием и Гревиллем. «Эти монахи считают их важными — возможно, даже полезными».

Борн бросил на Клодия острый взгляд. Он передал свой фонарик Гревиллу и развернул пергаменты, приказав офицеру начать обыск кладбища. «Я буду в бане. Приведите Дьявола, если поймаете его».

«Да, капитан». Старый солдат поспешно поклонился и отмахнулся.

Борн приказал сержанту по охране: «Возьмите людей из собора. Приведите их в общежитие и удвойте свои ряды».

«Да». Высокий сержант кивнул и удалился.

При свете факела Гревилла Борн просматривал письмо Нарамсина, в то время как сержант собирал сотню солдат и вел их через двор.

Наконец, Клодиус заговорил: «Если вам угодно, капитан, мы хотели бы поговорить с вами». Борн лишь кивнул и продолжил читать.

Гревилл покачал головой и добавил: «За все эти годы я так и не осознал этого, хотя должен был хотя бы заподозрить, что Лазарь действительно является выжившей гротескной Матерью Божией!» Иван спрятал его под покрывалом, в катакомбах, потому что солнечный свет наверняка бы его уничтожил. Теперь, учитывая все обстоятельства, все становится совершенно ясно. Тонкие знаки были повсюду — возможно, мы все вместе решили их игнорировать». Он отстранился и взглянул вверх, на ряды статуй на крыше собора.

Борн схватил Гревилла за руку и на мгновение направил фонарик на страницы, читая последние строки письма Нарамсина. Затем он поспешно свернул страницы и прищурился, глядя на них. Клодий. «За время моего пребывания в вашем аббатстве вы стали для меня единственным и главным источником отвлечения». Борн несколько раз хлопнул по пергаментному свитку в руке, обдумывая, стоит ли ему услышать еще хоть слово от этих надоедливых монахов, которых он уже успел возненавидеть.

Клодий напрягся. «Умоляю вас, капитан. Эти пергаменты очень старые и хрупкие». «Может быть, мне поручат их сохранность?» Клодий потянулся за рулоном страниц, но Борн выхватил их, нахмурившись. Он сунул их в жилет и более мягким тоном предложил соглашение. «Вы двое можете пойти со мной в баню и поделиться тем, что вам известно о документах. Однако в обмен на аудиенцию я ожидаю вашей полной помощи в бане. Я намерен добиться от толстого монаха признания о местонахождении Мальчика-Дьявола».

Клодиус мельком взглянул на Гревилла и кивнул. «И мы окажем вам помощь, капитан».

«Толстый монах, — заявил Борн, — опять же, как он себя называет?»

«Делон, — предложил Гревилл. — Делон Одно. Он тоже старший монах и хорошо знаком с Вратным камнем».

Клодий добавил: «А Гротеск — тот самый мальчик-дьявол, которого вы ищете, — отзывается на это имя».

Лазаря, капитана.

«Одно», — заметил Борн, хрустнув пальцами и направляясь к бане.

«А теперь расскажите мне об этих документах».

Гревилл осветил путь, пока Клодий сообщал Борну о том, что у него есть. «Эти бумаги были написаны гротеском почти триста лет назад. Насколько я понял из первого издания». На этой странице гротескно перевел все символы Вратного камня. А теперь послушайте.

«Я, капитан, сотни старших монахов собрали бесчисленное количество переплетов, пытаюсь расшифровать надписи. Поскольку мы тоже старшие монахи, даже наши собственные переплеты лежали в скриптории среди неизвестной коллекции работ. За всю историю этого аббатства ни один монах так и не смог расшифровать эти надписи, по крайней мере, так мы считали. Теперь мы узнаем, что одному Гротеску, похоже, удалось сделать то, что не удалось сотням из нас. Более того, Лазарь — Гротеск. Он умеет читать и писать на нескольких языках, как я уже видел. И ваши люди нашли бумаги у него. С учетом сказанного, я теперь уверен, что надписи на Вратном камне принадлежат языку, который может расшифровать только Гротеск».

Борн остановился и обернулся. «Вы знаете, почему я капитан Королевской гвардии Его Величества?» С пронизательным презрением Борн ответил на свой собственный вопрос. «Я вижу вещи такими, какие они есть, или какими они могли бы быть, и никогда не вижу их такими, какими они не являются». Клодиус отступил назад и уставился на шрам на щеке капитана, продолжая: «Вы говорите, что Мальчик-Дьявол — это Гротеск, и только Гротеск может расшифровать эти знаки». Однако у кардинала не было ни кошачьих ушей, ни собачьих зубов, и он продемонстрировал свою способность управлять этим камнем с помощью собственных бумаг. И поскольку я помню, что его слова были на латыни, я уверен, что либо вы тратите мое время на небылицы о гротесках, либо этот кардинал перевел надписи, когда все вы, священники, потерпели неудачу. Так что же из этого верно?

Гревилл покачал головой. «Я видел страницы кардинала. Они были такими же старыми, как и страницы, находящиеся в вашем распоряжении, капитан. Зачем ему было записывать свои слова на таких тонких и хрупких листах?» Гревилл повернулся к Клодию. «Думаю, нет. Как кардинал Высшего Совета, он имеет неограниченный доступ к Архиву апокрифов». Клодий кивнул. «Может быть, переводы, находящиеся в его распоряжении, также были записаны этим нарамсинским священником?»

Борн вытащил свернутые страницы из жилета, развернул их и спросил: «Значит, с этими страницами у вас есть средства, чтобы закрыть камень — даже без кардинала и его пажей?»

Клодий ответил: «И да, и нет, капитан. С помощью этих страниц у меня, возможно, найдётся средство, чтобы закрыть Камень Ворот; однако, если мои подозрения верны, мне понадобится помощь Лазаря — оруженосца Гротеска — в качестве переводчика». Борн нащупал страницы, увидев лишь иероглифоподобные знаки. Его настроение помрачнело. «Именно так, капитан», — сказал Клодий, подняв достойный подбородок и одарив Борна короткой улыбкой. «На страницах только знаки — никакого перевода. Вы должны передать нам Гротеска, прежде чем мы сможем продолжить. И ещё предстоит увидеть, произойдёт ли это».

Борн прикусил губу, поспешно свернул страницы и спрятал их под жилет. Выпад — Он схватил Клодия двумя пригоршнями за рясу и резко потянул монаха к себе. Гревилл отступил назад, его испуганный взгляд был прикован к пылающему зеленому цвету глаз капитана, когда тот отчитывал Клодия и его уловки. — Ты, кажется, стремишься изобразить меня каким-то глупым зрителем, внимательно слушающим каждое слово твоей медленно разворачивающейся истории! — Он крепче сжал хватку и притянул окаменевшего монаха еще ближе к своей бороде, пока Клодий не почувствовал капли слюны и горячее дыхание каждого его слова. — Или, может быть, ты представляешь меня жалким персонажем в истории, которую сознательно затягиваешь, даже когда мое терпение на исходе! Что же из этого правда? — Он потряс его. «В самом деле нет!» — вздохнул Клодий, умоляя его. «Простите меня, капитан. Я хочу лишь помочь вам!»

Довольный покорностью монаха, Борн отпустил его. «И ты это сделаешь». Клодий поправил свою одежду, пока Борн открыто обсуждал свой план действий с Гревиллом. «Поскольку у меня есть отметины на камне, я сейчас допрошу толстого монаха, найду и поймаю Мальчика-Дьявола и попрошу его перевести слова, необходимые для закрытия камня». Борн повернулся к Клодию и, указывая на него пальцем, посоветовал: «С этого момента ты должен говорить мне только то, что я должен знать, ни слова больше и ни слова меньше, чтобы я не забыл, что ты священник. Ты понимаешь, что я имею в виду?»

Клодий кивнул, и два монаха коротко обменялись взглядами, после чего поспешили вслед за Борном, который теперь мчался к бане. Капитан обогнул передний угол бани, услышав громкий голос Одино, доносившийся изнутри здания. «Они ничего не знают, говорю я! Оставьте парней в покое. Заходите сюда и сделайте то же самое со мной и...» Я оторву тебе единственную здоровую руку! «Довольно!» — рявкнул Борн. Однорукий солдат отпустил Татеуса и бросился вперед, выпрямившись по стойке смирно, когда оруженосец сполз по стене. Из-за дальнего угла бани внезапно появилось несколько охранников и заняли боевую позицию. мужчины. Капитан взглянул на Татеуса и Мигеля, прежде чем начать допрос солдата. «Что?» «Действия таковы, и по чьему приказу?» «Мы выбиваем признания, сэр, чтобы узнать местонахождение мальчика-демона».

Борн выхватил факел у Гревилла и сунул его в руку солдата. Внезапно из темноты здания раздался голос Одино: «Здесь нечего делать». «Вырви! Развяжи меня, и я вырву тебе вторую руку. Это всё, на что ты способен своей птичьей лапой, избивая молодого оруженосца!» Однорукий солдат лишь закатил глаза, игнорируя насмешки Одино, и сообщил капитану, что приказ от сержанта. Борн пристально посмотрел на них обоих.

Он избил оруженосцев, прежде чем ответить: «Судя по их виду, вы так же мало знаете, как и в начале. Тем не менее, если вы хотите убить их под предлогом получения признания, пожалуйста, продолжайте». Он жестом указал на Татеуса, затем на стражников. «Возможно, каждый из вас захочет увидеть ваши изощренные ме

«Я... э-э... я не понимаю, готовы ли они признаться, капитан», — признался солдат. Борн наклонился к нему лицом и прорычал: «Тогда, возможно, они не знают, где он находится? Что ты думаешь?»

«Да, капитан», — ответил солдат, приняв более напряженную позу.

«Тогда отведите этих парней обратно в общежитие!»

Солдат повернулся с факелом, на мгновение склонился над Татеусом, а затем снова поднялся. Он понял, что у него нет подходящей руки, чтобы поднять мальчика на ноги. Гревилл усмехнулся, а Клодий испепеляющим взглядом посмотрел на него. Борн приказал солдатам отнести избитых мальчиков в общежитие. Он расставил остальных у входа в баню, затем прошептал однорукому мужчине: «Ты мой проводник. Ты научишься правильному методу получения признания». Он проводил охранника в здание.

Тени рассеялись, и луч фонаря осветил покрасневшего и грязного Одино, чьи запястья были привязаны к деревянной колонне посреди бани. Борн подошел к монаху и внимательно его осмотрел. Левый рукав рясы Одино был разорван, и он стоял только в правой сандалии, босая другую ногу. «Пожалуйста, простите моих людей, если они обращались с вами грубо. В разгар неотложных дел они иногда пренебрегают элементарными приличиями». Он похлопал Одино по плечу. «Как только я верну вас в общежитие и переодену в чистую одежду, я прикажу сурово наказать тех, кто был виновен в вашем плохом обращении ».

Одино зарычал: «Может быть, вы могли бы их поправить, как вы это сделали с братом Иваном?»

Борн сжал челюсти, и их взгляды встретились в свете факела. Он обошел связанного монаха, внимательно осматривая его. Одино заметил Клодия и Гревилла, вышедших из тени. «Что вы, жалкие рясы, здесь делаете? Разве вы не...» «Неужели вам нужно следить за катакомбами?» — Клодий свысока посмотрел на Одино высокомерным взглядом патриция .

Борн приблизился к Одино вплотную. «Мои обязанности и проблемы не лежат на тебе. Я не хочу, чтобы кто-либо...» «Еще больший вред постигнет священников этого аббатства». Он указал на Клодия и Гревилла. «Видите? Ваши братья-священники могут свободно разгуливать по аббатству». Гревилл скрестил руки и жестом пожал плечами сделал знак. Одино сердито посмотрел на капитана, понимая, что тот...

Его солдаты заключают священников и оруженосцев в спальню. Борн продолжил: «Я сейчас же сниму с вас путы. Однако для этого мне потребуется от вас небольшая услуга. Я ищу оруженосца по имени Лазарь. Сообщите мне, где он находится, и я отпущу вас». Борн наклонился ближе и прошептал связанному монаху: «Даю вам слово как капитан гвардии Его Величества ».

Одино насмешливо прошептал: «Иди спроси у его отца, где он!» Он плюнул на бороду Борна . Капитан отдернул кулак, но так же резко опустил руку. Он вытер щеку и махнул рукой, призывая Клодия и Гревилла. Два монаха подошли, и, заметив свернутые страницы в облачении Борна , жадный взгляд Клодия не отрывался от них, пока капитан говорил. «Я дам вам немного времени в одиночестве среди монахов, чтобы возобладала благоразумность священнического разума». Борн забрал факел у стражника и передал его Гревиллю, добавив достаточно громко, чтобы Одино услышал: «Пока у него ещё есть зубы в голове». Он покинул баню, оставив трёх монахов для самих себя.

Клодий обратился к Одино с обаятельной улыбкой: «У нас были разногласия, и я прошу тебя простить меня».

«Простить?» — недоверчиво спросил Одино. «Именно по твоей вине Иван погиб, и именно из-за тебя я привязан к этому посту! А что же та ужасная участь, которую ты мне уготовил?»

«Лазарь — теперь покинутый и обреченный на гибель? Разве ты, как брат священнослужитель, не испытываешь ни заботы, ни стыда, ни жалости, ни милосердия, особенно к бедному Лазарю?»

Клодий взглянул на Гревилла, прежде чем начать оправдываться. «Это капитан отдал приказ о вашем аресте».

«Я прекрасно осведомлен о ваших намерениях, — воскликнул Одино. — Вы сводите дело с кардиналом против Ивана и меня, пытаюсь защитить свои позиции в качестве надзирателей».

«Катакомбы!» — фыркнул Клодий, ошеломленный. Одино оглянулся через плечо, разглядывая уборную, которую Иван использовал, чтобы инсценировать побег. «Клодий, умоляю тебя. Как слуги во Христе и братья этого аббатства, развяжи меня — дай мне шанс освободиться. Ты знаешь, что я в ответ предложу тебе то же самое».

Гревилл указал на вход. «Капитан находится прямо снаружи, и я не хочу быть связанным вместе с вами!»

Клодий согласился, добавив: «Быстрых способов побега нет».

«Есть способ, Клодий. Ты можешь помочь мне так, чтобы не показалось, будто ты в этом участвовал . Уверяю тебя...»

«Довольно!» — воскликнул Клодий. «Капитан отпустит вас, когда вы признаетесь в местонахождении Лазаря . Я говорю от имени всех монахов этого аббатства, когда прошу вас положить этому конец».

глупость.

«Вы что, ожидаете, что я его брошу?»

«Ты предал всех нас, включая себя! Капитан убил Ивана за то, что тот перешёл ему дорогу. Не повторяй его ошибки. А теперь скажи мне, где прячется Лазарь!»

Одино опустил взгляд, явно потерпев поражение. Он оглядел пол и слабо улыбнулся.

«Возможно, вы говорите правду. Если вы, как человек Божий, дадите мне слово, что не намерены причинить вред мальчику, тогда я отведу вас к нему».

Гревилл шагнул вперёд, но Клодий схватил его за рукав. «Ты что, принимаешь нас за дураков, Одино? Капитан очень хочет освободить тебя, после того как Лазарь окажется у него под стражей».

Одино взглянул на вход в баню и прошептал: «Я не могу оставить Лазаря — капитан убьет его так же быстро, как и Ивана. Однако пообещай мне, что выведешь его из аббатства, и я скажу тебе, где он прячется. Судьба Лазаря в твоих руках!»

Два монаха обменялись взглядами. Клодий согласился. «Хорошо, тогда. Даю вам слово».

«Чтобы Лазарь покинул территорию аббатства. А теперь скажите мне, где он находится».

Одино кивнул и прошептал беспринципному монаху: «Ты хороший человек, Клодий. Я тоже».

В долгу перед тобой. Лазарь прячется в...» Он посмотрел на дверной проем и намеренно пробормотал остаток слов.

— Ещё раз, пожалуйста, — заметил Клодий, подходя ближе. — Где он?

Одино, прислонившись спиной к столбу, снова прошептал: «Лазарь прячется...» Он ударил пяткой Клодия по груди. Священник отлетел назад, покатился по полу и схватился за грудь. Гревилл бросился на помощь своему задышающемуся наставнику.

«Я не Иуда Искариот!» — прорычал Одино. «Я защитил Лазаря. Я никогда не оставлю его или его отца — ни ради кого, особенно ради солдат и их марионеточных жрецов!»

«Капитан!» — закричал Гревилл. «Капитан!»

Борн и его люди ворвались в дверной проем, окружив двух монахов. Капитан посмотрел на Одино, который лишь пожал плечами. «Вот тебе и священническая благородность», — проворчал Борн. «Еще один монах, в котором горит огонь, я вижу». Он приказал Гревиллю помочь Клодию выйти из бани. Затем он приказал двум своим людям связать ноги Одино. Одино пнул их, и капитан позвал еще солдат. Только когда монах был успешно связан, он вышел вперед. «Я дам тебе еще один шанс искупить свою вину. Где ты спрятал Дьявольского Мальчика?»

«Что такое мальчик-дьявол?» — спросил Одино. «Я никогда не видел ничего подобного...»

Борн ударил кулаком Одино в грудь. Он ответил кашляющему священнику: «И снова, где же этот мальчик-дьявол?»

«За всю свою жизнь я ни разу не видел ни одного мальчика-дьявола...»

Челюсть Одино треснула под ударом очередного кулака. Брызги крови и слюны.

Борн взревел: «Опять этот мальчик-дьявол?»

«Я прощаю вас, капитан», — пробормотал Одино невнятно. «Да покажет вам Господь...»

Одино согнулся пополам от силы очередного удара.

«Мальчик-дьявол?» — потребовал ответа Борн.

Одино поднял голову, выдал из себя улыбку и неловко подмигнул ему. Кровь Борна закипела.

После этого Одино подвергся безудержному гневу капитана, который за время своего недолгого пребывания в аббатстве пережил больше необъяснимых ужасов, непростительных ошибок и полнейшей глупости, чем за все свои дни в качестве солдата. Однако, когда жгучая боль утихла, когда кровь скопилась там, где ей не место, Одино уже не так сильно волновался. Когда его глаза опухли и он больше не мог предсказать следующий удар, его больше не мучило предвкушение. Когда звон в ушах заглушил крик капитана, наступил покой. И когда его ребра треснули от приятных воспоминаний о прошлом в катакомбах с Иваном, Лазарем, Мигелем и Татеем, ему не нужны были зубы, чтобы улыбаться. В конце концов, жизнь была к нему благосклонна.

«Проснись!» — крикнул Борн, выплеснув ведро воды на связанного и стоящего на коленях монаха. Одино ахнул и откинулся назад.

Гревилл бросился к нему и схватил за руку. «Одино, милостью Божьей, скажи капитану».

Одино, опираясь всем своим весом на монаха, застонал: «Я... я... прошу отпущения грехов и последнего причастия. Времени... немного. Приведите... брата Николаса. Я прошу... исповеди... только перед... ним».

«Больше никаких священников! Исповедуйтесь мне!» — воскликнул Борн, швырнув ведро и разбив его о стену. «Вы говорите только со мной!!»

Клодий, всё ещё держась за грудь, подошёл к Борну. «Капитан, если позволите. Мы обязаны совершить последнее причастие, если нас об этом попросят. Это наш глубочайший долг — подчиниться этому, правилу, установленное Богом Его Святейшеством и строго соблюдаемое такими распоряжениями Святого Престола. Мы не можем отказать ему в последней исповеди священником по его выбору». Клодий прошептал: «Умоляю вас, удовлетворите эту просьбу, и во время его исповеди мы узнаем от брата Николая, где скрывается Лазарь Гротеск. Как его старшие коллеги, мы обладаем значите

средства убеждения.

Борн лишь сердито посмотрел на Клодия, когда охранники расступились у входа в баню, и запыхавшийся солдат с трудом протиснулся мимо них. Мужчина подошел к Борну, перевел дух и заговорил: «Если позволите, капитан. Ваше немедленное присутствие в церкви необходимо».

«С какой целью?» — нахмурившись, спросил Борн.

Солдат окинул взглядом любопытные лица окружающих, затем наклонился к уху Борна и тихо произнес: «Это жизненно важно, капитан».

Борн фыркнул, повернулся и хлопнул Клодия по груди. Монах посмотрел на окровавленные костяшки пальцев, пока капитан обращался к нему. «Позвольте священнику совершить обряд. По возвращении я ожидаю узнать, где находится дьявол. Пусть так и будет». Клодий согласился, и Борн повернулся к ближайшему охраннику и указал на Гревилла. «Следите за тем, чтобы его сопровождали в общежитие. Он должен привести монаха для последнего причастия — только монаха Николая». Он взял факел и последовал за солдатом из здания. Тотчас же Клодий притянул Гревилла к себе и прошептал: «По возвращении соберите у Николая Лаз «Местонахождение. Дайте ему понять, что я лично позабочусь о том, чтобы его оставшиеся дни в аббатстве Гардиенс прошли с величайшим покаянием и абсолютным молчанием, конечно же, в неустанном почтении к Господу. А теперь я должен последовать за капитаном — уйти — и поторопиться, прежде чем Одино умрет и навсегда унесет с собой знание о местонахождении Гротеска». Гревилл кивнул и ушел с солдатом, а Клодиус скрылся в тени, следуя за Борном издали.

Капитан завернул за угол собора, и солдат указал на ограждающую стену собора, где ряд мужчин сидел на земле рядом со своими сапогами, потирая босые ноги под светом факелов.

«Это произошло всего несколько минут назад, капитан». Солдат проводил Борна к боковому входу в церковь и указал на дверной проем. «Видите? Вот. Горящий туман выходит наружу».

Борн приблизился к входу и осмотрел черный туман, постепенно сгущающийся у его порога. и скрывая землю. Он присел на корточки и провел пальцами по бурлящему кустарнику, резко отдернув обветренные кончики пальцев.

Солдат заметил: «В самом деле, капитан. И пахнет смертью».

Борн понюхал свои пальцы, отступая от тумана. Он оглядел собор.

«Солдат, я хочу, чтобы ты поспешил в общежитие и сообщил сержанту по охране, что...» Я призываю третью часть его более отдохнувших людей собраться у колодца аббатства. Рядом лежат ведра. Люди должны набрать воды, собрать землю и смешать ведра с грязью. Мне нужен каждый.

Трещины и щели заделаны. При необходимости закопать всю церковь.

«Да, капитан». Солдат кивнул и бросился прочь.

Под фонариком Борн осмотрел свои ноющие кончики пальцев и задумался о мучениях, которые он испытывал. Фрайар Грейт, должно быть, сильно пострадал. Звук шагов привлек его внимание к поспешно приближающемуся охраннику. Тот остановился, перевел дух и обратился к нему: «Это срочно, капитан!»

«Что теперь?»

Солдат указал на крышу собора. «Статуи двигаются!» Борн коротко взглянул вверх, а затем, прищурился, посмотрел на него. «Если позволите, их можно увидеть в свете луны».

«Покажи мне», — ответил Борн. Пока охранник сопровождал Борна на противоположную сторону... «И им лучше двигаться, иначе я тебя сдвину с места», — предупредил его капитан. «Они двигаются», — заверил его солдат.

С каждым странным событием, которое происходило с Борном с момента его прибытия в аббатство, очередное ужасное открытие становилось лишь очередным клише в постоянно растущем списке сюрреалистических событий. «Я был убежден, можно так сказать».

Брат Клодий выглядывал из-за темного угла трапезной, его острый взгляд был прикован к Борну. и стража, когда они обходили собор. Капитан присоединился к нескольким солдатам, которые открыто собрались, чтобы осмотреть верхние части церкви. Солдаты указали вверх, и Борн выровнялся так, чтобы его взгляд был направлен прямо на луну. Клодиус проскользнул сквозь кусты, чтобы лучше рассмотреть то, что привлекло их внимание.

Держа в руках книгу, распятие и закупоренную флягу, брат Николай выбежал из общежития. Полоска богато украшенной ткани обвивала его шею, словно шарф, а её оборки развевались на ветру. Когда молодой монах пробирался сквозь шеренгу ничего не подозревающих часовых с факелами, Гревилл и его солдаты поспешили за Николасом, крича вперёд, чтобы тот прошёл без помех. Николай добрался до бани и, проталкиваясь мимо солдат, всё это время кричал им: «Он священник — человек Божий! Как вы могли позволить вашему капитану...»

Николас вошёл внутрь и замер. В мерцающем свете солдатского факела он не узнал окровавленную, облаченную в рясу грудю останков, лежавшую у основания столба бани. Он взглянул на коленопреклонённых стражников, которые держали голову монаха, прижимая мокрую тряпку к его покрасневшим и опухшим глазам. Николас бросился вперёд. Он положил свои вещи рядом с раненым монахом, прежде чем осмотреть его. «Нет», — заметил он, глаза его наполнились слезами. «Произошла ошибка. Это не он». Он повернулся и уставился на него.

Он лежал на полу, смеясь и плача от горя. «Это не...»

Николай вскочил на ближайшего охранника и ударился головой о каменные плиты.

Оставшиеся солдаты набросились на него и оттащили прочь.

«Николас! Нет! Нет времени!» Булькающий голос Одино тут же усмирил ярость молодого монаха, тот обмяк и зарыдал. Затем он собрал свои вещи и отчитал солдат: «Последний обряд требует соблюдения приличий и уединения!» Солдаты посмотрели на Гревилла, который торжественно кивнул им и удалился к входу в баню. Мужчины последовали за Гревиллом и вышли из здания.

Одино прошептал Николасу: «Подойди ближе, мальчик. Есть кое-что, что ты должен знать».

Молодой монах приложил ухо к губам сломленного монаха. Пока Одино говорил, глаза Николаса расширились. Он отстранился, посмотрел на Одино и спросил: «Лазарь — один из них?»

«Придержи язык», — прошептал Одино, бросив короткий взгляд на Гревилла сквозь почти опухшие, плотно закрытые глаза, прежде чем продолжить. «Мне нужно от тебя задание». Николас внимательно слушал, время от времени кивая головой. Одино закашлялся и прислонил голову к столбу. «Теперь дай мне слово, что ты выполнишь это, Николас».

Молодой монах вытер слезы с лица. «Но ты умрешь! Чего ты хочешь...»

«Я уже мертв!» — вмешался Одино. «А теперь поклянись мне в верности!»

Николай глубоко вздохнул и сказал: «Да будет воля Твоя, как пожелаешь ты».

Дрожащими пальцами священник поправил богато украшенную ткань, лежавшую у него на шее. Он поцеловал её, прежде чем поднять стоявший рядом сосуд с освященным маслом. Затем он откупорил сосуд и остановился, чтобы взглянуть на Одино. Между приступами кашля монах изо всех сил пытался одарить Николая утешительной улыбкой, хотя в свете факела он мог различить своего любимого молодого ученика лишь как смутную тень. Тем не менее, Николай знал скрытую боль и решимость, стоящие за жестом его наставника. Он наклонил сосуд и большим пальцем слегка перекрестил Одино на лбу, губах и сердце. Затем он открыл книгу Священного Писания.

Одино молился: «Прости меня, Господи, за мои прошлые прегрешения против Тебя». Пока он продолжал исповедоваться, Николай склонился над ним и бормотал отрывки из последних обрядов на латыни.

Наконец, Николас открыл глаза и обратился к Одино: «Во имя Христа, да будет тебе прощение, Делон Одино де Гардьен».

Одино кашлянул и, хрипя, сказал: «Давай приступим, Николас».

Молодой монах украдкой оглянулся и заметил любопытного Гревилла, который, стоя в дверном проеме, светил фонариком. Николай незаметно вылил масло из фляги. Он поднял металлический крест, прикусил губу и с трудом сдерживал дыхание, пока слезы текли по его щекам. Затем он почти полностью спрятался за Одино и крепко схватил лежащую перед ним руку. Николай провел острым краем креста по прилегающей коже пальцев монаха и резким рывком разорвал глубокую рану. Внезапно по пальцам Одино хлынула струя крови, и Николай направил теплый поток в флягу.

Гревилл бросился вперед и осветил их своим светом. «Не развязывай его, Николас!»
«Я его развязывать не буду».

Гревилл заметил флягу. «Кровопускание не является частью последнего обряда. Ты должен убить его!»
«Занимайся своими делами, Гревилл! Это часть его последней просьбы».

«Значит, это окончательно, если он жаждет только смерти». Гревилл пожал плечами, оцепеневший от всего увиденного за этот день, и удалился к входу в баню.

Когда фляга почти наполнилась, Николас поспешно закрыл её пробкой, снял с шеи богато украшенную ткань и крепко обхватил пальцы Одино. Он обнял Одино и прошептал: «Сделано, братец».

«Истинно, так и будет», — ответил Одино с опухшими глазами. С неизменной улыбкой он повернул голову, словно любуясь прекрасным пейзажем.

«Одино?» Николай положил руку на плечо монаха и осторожно потряс его.

Одино кивнул и в бреду ответил: «Он как птица в клетке, Иван. Его ждёт другой мир».

«Одино?» — Николас снова потряс его.

Монах продолжил: «О, конечно! Лазарь не будет знать, что с этим делать. Я научу его ездить на коне». Он хрипло рассмеялся. Николай откинулся назад и заплакал. На лице Одино появилось тревожное выражение. «Что нам делать с конями? Солдаты...» охраняйте конюшни.

Плачущий молодой монах поцеловал Одино в щеку. «Иди с Богом, друг мой».

«Он никогда не видел коня», — заметил Одино, улыбаясь. «Он полетит, как ветер!»

Николай сжал тёплую флягу и поднялся на ноги, оставив перевёрнутые Писания рядом с перевёрнутым Одиноном. Молодой ученик стоял и плакал, теперь такой же слепой к окружающему, как и его умирающий наставник. Он плакал не потому, что мысли Одино были заняты Лазарем, а не им самим. И его не тревожило то, что Одино больше не замечает его. Он плакал потому, что самая чистая часть его души умирала вместе с Одиноном.

Над территорией аббатства разнесся пронзительный звук боевого рога. Николас вытер лицо и обернулся, увидев, как Гревилл выходит из дверного проема, а стражники покидают свои посты и бросаются к месту призыва к оружию. Конный солдат чуть не затоптал Гревилла, и тот, споткнувшись, вернулся в здание.

Николай, низко поклонившись, обратился к Одино: «Да будет воля Твоя, друг мой». Он повернулся и поспешил к двери, когда Гревилл преградил ему путь. «Куда вы идете с этой флягой, монах? Я не могу позволить вам покинуть баню. Не могли бы вы подождать...»

«Хруст!» Не говоря ни слова, он ударил Гревилла кулаком в челюсть, отбросив его вместе с факелом к стене. Молодой монах взревел и выбежал из здания. «С Одино покончено! С Иваном покончено! И теперь с этим покончено и мне!» Николай бросился в общежитие со всем, что имело для него значение: тёплой флягой, последними воспоминаниями о своём святом наставнике и заветной парой тяжёлых, хорошо сшитых сапог, спрятанных под складками монашеской рясы, которые, несомненно, могли бы помочь скрепить торжественное обещание, данное им в честь последней просьбы Одино.

Во дворе царило оживление: силуэты бегущих солдат хлынули через южные ворота аббатства, оставив поиски на кладбище. Огороженная территория была обозначена линией огня, когда процессия часовых с факелами двинулась из общежития к собору. Мужчины кричали, доспехи звенели, копыта коней грохотали в такт неумолимому звуку рога — теперь над монастырем господствовало огромное строевое движение, демонстрирующее боевую координацию .

Гревилл проснулся, пошевелился и шлёпнул себя по тлеющему рукаву. Рядом с ним, в углу, стоял другой человек. Из бани клубящийся столб пламени охватил груды одежд, которые Иван использовал для побега. Он, задыхаясь, вывалился из здания. Клодий схватил его.

«Возгорание!» — выдохнул Гревилл, потирая подбородок. «Николас спасся». Клодий потянул его за руку. «Неважно! Пойдем со мной!» Два монаха вышли из оранжевого света дверного проема бани и прокрались в темноту, пробираясь по затененной стороне трапезной, прежде чем спрятаться за зарослями можжевельника. Они раздвинули кусты и наблюдали, как солдаты выстраиваются в непрерывные ряды, окружающие весь периметр собора. Кони везли повозки с боеприпасами через северные ворота аббатства, а над охраняемой территорией разносились перекрывающиеся крики суровых приказов.

«Зачем они собираются?»

Клодий проигнорировал вопрос Гревилла, похлопал его по плечу и указал на основание стены аббатства. «Капитан положил камень на свитки — вот там, за ними».

Солдаты. Вы могли бы это увидеть?

Гревилл напряг зрение. «Но укрытия нет. Нас поймают!»

«Не делайте этого, если будете слишком торопиться».

Гревилл резко обернулся. «Я?» — недоверчиво спросил он.

«Держитесь у подножия стены, и темнота станет вашим укрытием. Солдаты наблюдают только за собором».

Гревилл ахнул. «Это вы стремитесь их заполучить!»

Клодий схватил Гревилла за край мантии. «У нас мало времени! Видишь? Вот!» — он указал на крышу собора. Гревилл поднял глаза и увидел сотню каменных статуй, извивающихся, словно гнездо сонных змей. Статуи собрались у каждого края террасных карнизов.

«Боже мой! Они двигаются!» — воскликнул Гревилл, крестясь над собой.

«В самом деле!» — Клодий потряс его. — «Мы должны бежать отсюда — и с этими страницами. А теперь, принесите их, пока есть возможность. Вперед!»

Гревилл оторвался от назойливого монаха. «Неужели вы забыли о судьбе Ивана от руки капитана? Меня не убьют из-за рулона бумаг!»

«Хорошо», — выплюнул Клодий, подняв подбородок. Он развернулся и помчался вниз по задней части...

В трапезной, ворча: «Когда я найду покупателя, не ждите никакой компенсации или сочувствия!»

Гревилл крикнул ему вслед: «И когда капитан пронзит тебя своим клинком, не жди сострадания или последнего причастия!» Клодий раздраженно отмахнулся от него и исчез в темноте. Гревилл обернулся и раздвинул кусты, увидев бронированного коня с факелом, скачущего из-за дальнего угла собора. Капитан Борн замедлил ход коня и направил факел на головы занятых солдат, собиравших боеприпасы с медленно проезжающей телеги.

«Пики и копейщики, послушайте меня!» — воскликнул Борн, обращаясь к рядам мужчин, окруживших церковь. «Вы должны держаться низко к земле — значительно ниже своих остриев. Упритесь оружием в землю и приготовьте мечи в своих нижних руках. Те из вас, у кого длинные ножи, выньте их из ножен и воткните рядом с передней ногой. По моей команде, вы должны взмахнуть мечом, громко крикнуть и заманить демонов на крышу на свое оружие. Сержанты гвардии, передайте мой приказ!» Конные офицеры, перекрикивая приказы Борна, повторяли их через шлемы выстроившихся по периметру рядов. Пикинёры и копейщики бросились в атаку!

Выдвинулись вперед, размахивая мечами, и образовали первую линию обороны.

«Арбалетчики, послушайте меня! По моей команде вы сможете стрелять из своего оружия по своему желанию!»
«Оставайтесь на коленях и не убирайте болты в кобуру. Соберите их на земле рядом с собой. Вы должны израсходовать все свои болты и защищать людей перед вами. Сержанты гвардии, несите мой приказ!» Пока бронированные всадники отдавали приказы строю, волна арбалетчиков хлынула вперед, прикрывая пикинеров своим оружием.

Борн осмотрел крышу собора, прежде чем направить своего коня к растущему скоплению солдат. «Стрелы, слушайте меня! Располагайтесь равномерно. Стойте прямо за арбалетчиками и прикрывайте передние ряды. Те из вас, кто использует свой рот для поспешного выстрела, не должны кусать более двух стрел. Израсходуйте все свои стрелы на дьяволов, прежде чем позвать своего поставщика!» Стена лучников прокатилась вперед, и Борн развернул своего коня, крича: «Поставщики, слушайте меня! Вы должны быть оперативны и настойчивы из своих повозок. Держитесь низко и оставляйте припасы у ног ваших солдат, подавая им сигнал хлопком не выше их сапог. Сержанты гвардии, несите мой приказ!»

Когда капитан передал инструкции своим пехотинцам, Гревилл заметил едва различимый силуэт Клодия, стремительно приближающегося и застывшего на месте, робко двигавшегося вдоль основания стены аббатства. Он продвигался в такт постоянно меняющемуся направлению внимания Борна.

Борн поднял руку и приготовил своих людей. «Арбалетчики, сделайте первый выстрел по этим дьяволам! Цельтесь ровно между ними. Пикинёры и копейщики, по моей команде!» Борн оглядел верхние выступы церкви, прежде чем взмахнуть рукой. «Отбой!» Когда залп болтов обрушился на собор, а над каменными гротесками разлетелись искры, Клодий бросился вперёд, перевернул камень, схватил свитки и поспешил к трапезной. Пикинёры лязгали мечами о копьё, насмехаясь, пока арбалетчики поспешно перезаряжали оружие.

Статуи подкрадывались к краю крыши, всматриваясь в армию, которая их призвала. Внешне ни одно каменное чудовище не было похоже на другое. Под полной луной их гротескные черты были отчетливо видны. У некоторых были головы птиц, у других — собак и змей. Их тела представляли собой смесь различных зверей — частично львов, частично людей и свиней — и у них были когти, клыки, копыта и хвосты. Каждая из них напоминала отвратительную смесь нескольких существ, но, несмотря на всю свою уникальность, у них была одна общая черта: на спинах каждой висела раскинутая пара перепончатых крыльев.

«Свобода!» — раздался очередной залп молний, и еще один сноп искр окутал каменных Гротесков, взбудоражив их скрежетом крыльев, скрежетом зубов и царапающими когтями. Крики и вопли разносились по территории аббатства, когда они, сражаясь за место на террасных уступах, обернулись друг против друга. Они хлынули вниз, перелетев через крышу собора и обрушившись на солдат, словно стая гранитных ворон на залитом лунным светом поле.

«Копья! Стрелы! Воины!» — кричал Борн. Но строй дрогнул, оружие бросили, солдаты разбежались. Адская шутка началась.

Клодий, облетев трапезную со свернутыми страницами, промчался мимо Гревилля, крича: «Спешите! Не оглядывайтесь!» Два монаха бросились через двор, спасаясь от криков и воплей ужасающего нападения. Клодий прыгнул в кусты за баней, схватив Гревилля. «Южные ворота не охраняются! Мы обойдем внешнюю стену аббатства, направимся к конюшням и найдем коня!» Клодий выскочил из кустов и метнулся вверх по затененной стороне бани.

Гревилл бросился за ним, споткнувшись о кучу одетых в мантии людей и скатившись в лунный свет. Только тогда он обнаружил тело Ивана, его глаза были пустыми. Гревилл вскочил на ноги, зовя Клодия. Клодий остановился и оглянулся на него, и Гревилл увидел Белки его глаз и изможденное выражение ужаса на лице. Гревилл замер. «Не оборачивайся», — выплюнул Клодий, удаляясь к воротам аббатства. «Я встречу тебя в...»
КОНЮШНИ.

Гревилл оглянулся через плечо и заметил большой каменный гротеск, крадущийся за ним. Он был похож на грифона, с крылатым телом льва и гигантской головой и когтями. хищная птица.

Гревилл, рыдая, прислонился к стене бани. «Помоги мне, Клодий». С каждым дрожащим шагом к входу в баню гранитное чудовище приближалось все ближе. «Ради Бога, отзови его!» Вместо этого Клодий убежал. Гревилл закричал, выбежал за угол здания и спрятался в клубках дыма, валившихся снаружи. вход в баню. Светящаяся груда одежд освещала его тусклое внутреннее пространство. Гревилл спрятался за центральной стойкой ворот, присев в тени за широкой спиной окровавленного и вечно ухмыляющегося Одино, который смотрел лишь на трещину в полу. Одино был слишком мертв, чтобы спасти хныкающую мантию от чудовища, которое теперь шагало в дверном проеме, рыская в темноте и впиваясь в каменные плиты.

Клодий бросился в безопасное место, столкнувшись с солдатами, которые к тому моменту покинули свои посты. Драгоценные страницы монашеской книги были разбросаны по земле, и он собрал их на своем...

Ползая на четвереньках. Затем он бросился к южным воротам, широко раскрыв рот от ужаса, так широко, что из него вырвался ужасный вопль, разнесшийся по двору, когда летящая статуя спикировала вниз и вырвала его из земли. Гротескность этого зрелища не имела себе равных среди всех зверств, когда-либо спускавшихся с крыши собора: статуя несла тело змеи, голову козла и ноги, похожие на ноги множества ползающих пауков. Это чудовище перенесло Клодия через стену аббатства высоко в небо — достаточно высоко, чтобы вся округа услышала непрекращающийся ужас в его горле. Оно унесло доброго монаха вглубь нетронутых лесов, в самые темные места, отмеченные лишь следом и хрупкие страницы, которые падали с черного неба.

Находясь ещё внутри аббатства, капитан Борн и одиннадцать всадников с грохотом выбежали из здания. Северные ворота, пронесаясь галопом через поляну и устремляясь по дороге к аббатству в сторону деревни Мурат. «Держитесь вместе!» — кричал Борн. — «Мечи высоко, головы низко! Держитесь под деревьями!» Но на каждом открытом пространстве в лесу раздавался крик, возвещавший о гибели еще одного человека, сорванного с коня. С каждым ударом еще один конь лежал раздавленный под разрывающими когтями камня. И действительно, этот вечер принадлежал зловещему Ангелу, смеющемуся и бродящему туда-сюда глубоко под землей.

Таким образом, всего несколькими словами из почти забытого сборника переводов Нарамсена кардинал Жан-Франсуа Блази в одиночку разрушил одно из двух самых укрепленных аббатств Святого Престола — Аббатство Гардьен — и разгромил самую боеспособную роту Королевской гвардии Его Величества — элитные войска капитана Борна . В тот мимолетный момент, когда подёнки спариваются и умирают, в одном кощунственном акте миссия одного человека по мести стоила жизни четверемстам солдатам, священникам и оруженосцам, одновременно открыв второй из трех Вратных камней и еще больше ослабив Большую Печать, которая служила самой вершиной Великой Бездны.

Глубоко под разрушающимся аббатством — далеко под пылающими катакомбами — из самых глубин ада разносился серафический смех Люцифаэля, ибо это проклятое событие заслуживало ее безраздельного внимания.

~*~

Целую ночь Лазарь путешествовал строго на запад под огромной луной и морем звёзд. Он взбирался по скалистым, необузданным холмам провинции Овернь и продвигался вперёд сквозь её обширные, окутанные тенью просторы — всё это было незнакомо его чувствам. По пути, когда приступы страха сменялись моментами спокойствия, позволявшими ему остановиться и поразмышлять, он считается первопричиной таких тревожных чувств.

Проще говоря, Лазарус знал лишь границы катакомб аббатства — подземного мира, который он покинул. Стены туннелей стояли непоколебимо, их твердые и направляющие пути были неизменными. Неизменная предсказуемость катакомб успокаивала любые мимолетные тревоги, которые могли его мучить, и теперь встреча с этим местом и теми, с кем он там жил, служила той же цели. Только теперь он знал, что, возможно, никогда больше их не увидит — его сердце тяжело, как гранит, лежало в груди.

Лазарус давно был знаком с механизмами своих снов и с постоянно меняющимися образами, которые они представляли. Например, если его сны когда-нибудь превращались в безграничный кошмар, он всегда мог проснуться, хотя бы для того, чтобы представить их в более приятном и предсказуемом свете. И Лазарус часто мечтал о мире за пределами э... Он бродил по катакомбам, собирая воедино каждую деталь, которую узнал об этом необычном месте. Однако он и представить себе не мог, что оно окажется таким непредсказуемым и неизбежным кошмаром, каким оно предстало сейчас. Не было ни направляющих тропинок, ни извилистых каменных дорожек — неровный и непредсказуемый ландшафт, казалось, простирался во все стороны. Возможно, корень его тревожных чувств был где-то скрыт в мучительной мысли о том, что он просто не мог проснуться и прийти в себя от знакомого голоса отца, призывающего его снова зажечь факелы катакомб.

Замёрзший и измученный Лазарь взобрался на последний из множества коварных хребтов. Он стоял на его вершине. его грязная мантия развевалась, словно знамя, на пронизывающем восточном ветру. Сквозь темные окуляры он осматривал глубокую долину, сухое и каменистое русло реки. Через каменистую лощину отвесная скала возвышалась над склоном небольшой горы, а у подножия утеса... Лазарь обнаружил поразительное сходство: возмущенное лицо с воющим ртом — Горная Пасть. С мрачной решимостью, сравнимой с решимостью Ивана, он, поджав плечи, спустился с хребта, словно гордый человек, приговоренный к виселице. Он шел по затененной каменной долине к обрыву, пока его зияющая пасть не поглотила его.

[Конец главы 8]

Это литературное произведение было создано и исключительно в посвящении

Эдгар Аллан По (1809—1849)

— Пусть его наследие живет в каждом из нас —

~[GothicNovel.Org](https://www.gothicnovel.org)~